

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ

**ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ПРИКЛАДНОЙ
И НЕОТЛОЖНОЙ
ЭТНОЛОГИИ**

№ 166

М.Я. УСТИНОВА

**ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В
ЛАТВИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ**

(1980-е гг. – НАЧАЛО XXI в.)

Москва
2003

**ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ПРИКЛАДНОЙ
И НЕОТЛОЖНОЙ
ЭТНОЛОГИИ**

№ 166

М.Я. УСТИНОВА

**ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В
ЛАТВИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ**

(1980–е гг. – НАЧАЛО XXI в.)

**Москва
2003**

ISBN 5-201-13758-x (27)

© Серия «Исследования по прикладной и неотложной этнологии»
Института этнологии и антропологии РАН. Документ N 166.

Редакционная группа:

В.А.Тишков (отв.ред.)
Н.А.Лопуленко
М.Ю.Мартынова

Материалы серии отражают точку зрения авторов и могут не совпадать с позицией редакционной группы

При использовании ссылка на материалы обязательна

По вопросам приобретения материалов обращаться по адресу:
119334, Москва, Ленинский проспект, д.32а.
Институт этнологии и антропологии РАН
тел. 938-00-19, 938-07-12
E-mail: INFO@IEA.RAS.RU
fax: (7-095) 938-06-00

М.Я. УСТИНОВА

**ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО
В ЛАТВИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ
(1980-е – начало XXI в.)**

*Настоящая статья написана на основе исследования,
проведенного в 2000 г. по теме: Democratic consolidation,
peace constituencies, and ethnopolitics of institutional readjustment
in third wave democracies: The Baltic cases.*

*Исследование финансировалось
Федеральным министерством образования и науки Германии (BMBF).
В рамках проекта было проведено 90 углубленных интервью
с лидерами гражданского общества, представителями
национальных меньшинств и государственными служащими,
имеющими отношение к этнополитике в
Латвийской, Эстонской и Литовской республиках.*

Об авторе

Устинова Мара Яновна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник

ВВЕДЕНИЕ

Гражданское общество стало одним из центральных понятий современности и для теоретиков, и для действующих политиков. При всем разнообразии социологических концепций гражданского общества и академических нюансах этого понятия, под ним, как правило, понимают наличие сети добровольных и независимых гражданских организаций и ассоциаций, которые обеспечивают стабильность и эффективность демократических государств.

Стабильной демократии свойственна гражданская активность. Однако как сама демократия, так и гражданское общество формируются в конкретно-исторических и этносоциальных условиях. Историческая и этносоциальная детерминированность возникновения и функционирования форм гражданской самоорганизации определяет как их общие черты у народов, которые развивались в сходных исторических и социально-экономических и др. условиях, так и их различия у тех из них, у которых эти условия различались¹.

В последнее десятилетие все большее внимание представителей гуманитарных наук привлекают проблемы формирования, развития и функционирования гражданского общества в странах так называемой третьей волны демократизации², к которым наряду с другими государствами Восточной Европы принадлежит Латвийская Республика. Такой интерес объясняется многими причинами. В частности, исследователей занимает вопрос, чем вызвана небывалая активность гражданского общества в начале национального возрождения (конец 80-х гг. XX в.), которая во многом способствовала успеху национального движения в трех Балтийских республиках, и чем объясняется спад общественной активности в этих странах после восстановления государственной независимости в ряде стран Восточной Европы, в том числе в Латвии³.

Изучение проблем гражданского общества в Латвийской Республике особый интерес вызывает также в контексте современных этнополитических проблем и интеграции многоэтнического общества. В Государственной программе «Интеграция общества в Латвии»⁴ сказано: *«Именно участие в работе неправительственных организаций, участие в политических процессах, в принятии об-*

щественно значимых решений, может укрепить у членов общества чувство принадлежности к Латвии, невзирая на принадлежность к различным социальным, этническим, религиозным или лингвистическим группам и другим различиям»⁵.

Безусловно, интеграция, – постепенный, длительный процесс, в ходе которого этнические меньшинства становятся активными участниками экономической, социальной, гражданской и культурной жизни государства⁶. Необходимо отметить, что основные этнические общности современной Латвии – латышское и русское или русскоязычное население *интеграцию* понимают по-разному. Латышская часть общества считает, что интеграция означает принятие русской или русскоязычной частью латышского языка и культурных ценностей, тогда как русскоязычная община под интеграцией понимает сохранение своей, русской культуры и идентичности при условии обеспечения ей равных прав. Как видно, стремления обеих общин скорее противоречат друг другу, чем имеют сходство.

Формирование гражданских объединений и организаций в многоэтнической среде представляет собой сложный процесс. Его изучение призвано ответить на вопросы – являются ли гражданские объединения фактором, интегрирующим многоэтническое общество? Или, наоборот, они формируются по этническому признаку и тем самым усугубляют межэтническое разделение, тормозят формирование действенной общей гражданской самоорганизации?

В настоящей статье поставлены следующие задачи:

- Провести краткий сравнительный анализ гражданской активности населения Латвии в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в.
- Проследить формирование сети гражданских инициатив и динамику численности НПО в условиях независимой Латвийской Республики (после 1991 г.);
- Изучить, какова роль неправительственных организаций в интеграции латвийского многоэтнического общества, и какие их типы «работают» на интеграцию.

К ИСТОРИИ ВОПРОСА

23 августа 1989 г. почти 2 млн. демонстрантов из Латвии, Литвы и Эстонии, взяв-

шись за руки, образовали цепочку длиной в 600 км, простирающуюся от Вильнюса до Таллинна. Жители трех республик, таким образом, в день 50-й годовщины заключения пакта Молотова-Риббентропа демонстрировали протест против аннексии стран Балтии Советским Союзом. Единство и солидарность трех народов Балтии в стремлении к главной цели национального возрождения конца XX века – восстановлению независимости своих государств – поразило мир и в значительной степени стало примером для других народов бывшего СССР. Это была высшая стадия национальной самоорганизации балтийских народов, продемонстрировавших в тот момент истории единство, упорядоченность и дисциплинированность и представлявших собой в высшей степени активное добровольное сформировавшееся и управляющееся демократичным правовым путем общество. Такую организованность в этот период на территории СССР проявили только эти народы. И вообще в мире не так много примеров такой способности к самоорганизации.

Это качество формировалась в Латвии, как и в Эстонии и в Литве, на своеобразной, отличной от российской, культурной и социальной основе. У латышей и эстонцев уже в XIII в. была разрушена историческая основа территориальной организации – сельская община, которая в России же сохранившись вплоть до XX в., во многом определяла поведение российского крестьянина и в более позднее время. Таким образом, самоорганизация у латышей, как и у эстонцев, могла быть в значительной степени самоорганизацией индивидов в рамках добровольных, «вторичных» обществ, сформированных на основе общности интересов, а не «естественных», традиционалистских обществ, какими являются крестьянские общины. Такая самоорганизация предполагает относительно высокий уровень развития личности и определенный минимум культуры. Этот минимум в значительной мере создавался сравнительно ранним распространением грамотности среди широких слоев латышей, что было прямо связано с особенностями господствующей религии – лютеранства. Лютеранство требовало знания Библии и её самостоятельного чтения. Грамотность естественным путем привела к распространению знаний, и тем самым способствовала формированию индивидуальных и групповых ин-

тересов и традиций самоорганизации в зависимости от этих интересов.

Способность к самоорганизации, таким образом, является не «генетически присущим» свойством латышского народа, а порождением историко-культурных, социально-экономических и политических условий его формирования. Примером для этого у латышей, как и у эстонцев, безусловно, служила развитая сословная правовая самоорганизация балтийских немцев.

Стремление к самоорганизации проявилась, прежде всего, в борьбе с инациональным угнетением в ходе латышского, как и эстонского и литовского национального возрождения XIX в. Немногочисленные народы Балтии, которым противостоял сплоченный и прекрасно организованный инациональный господствующий слой, находившийся под защитой больших государств, в которые входили балтийские страны (в конечном счете, России) не имели ресурсов для борьбы, которыми обладали крупные народы. Их ресурсами была организованность и сплоченность. Именно борьба с инациональным угнетением стимулировала раннее развитие форм национальных гражданских обществ.

Зарождение элементов гражданского общества в Латвии исторически относится ко второй половине XIX в., т.е. ко времени, когда началось развитие национальной интеллигенции и формирование самой идеи латышской нации. Именно представители молодой буржуазии и интеллигенции, в основном учителя, были инициаторами создания во второй половине XIX в. различных обществ, объединяющих людей по интересам. Общества создавались не только в городах, и, прежде всего, – в таких крупных просветительских и культурных центрах, как Рига, Елгава, Валмиера и др. города Латвии. Наряду с этим они получили широкое распространение и в сельской местности.

Среди объединений Латвии центральную роль играло Рижское латышское общество, основанное в 1868 г. Уже в первые годы своего существования оно взяло на себя организацию таких крупных культурно-просветительских мероприятий как Первый праздник Песни в 1873 г. и последующие вселатвийские праздники песни. Рижское латышское общество также организовало и провело первые Всеобщие собрания латышских крестьян в 1871 и в 1873 гг., первые Всеобщие учительские конференции в 1873 и 1874 гг.

Оно способствовало формированию самих различных гражданских общественных культурно-просветительских структур – комиссий и подкомиссий, нацеленных на формирование латышского театра, искусства, науки, музыки и т.п. По образцу Рижского латышского общества формировались также аналогичные общества в других крупных городах Латвии (Елгаве, Даугавпилсе и др.).

В 80-х гг. XIX в. возникли также различные формы самоорганизации экономической деятельности. Формировались общества взаимопомощи, общества крестьян (или общества сельского хозяйства), крестьянские кредитные, страховые, потребительские и др. формы кооперирования. Сельскохозяйственные общества организовали курсы для распространения и расширения знаний в области сельского хозяйства, организовали приобретение сельскохозяйственных машин и разрабатывали условия их использования совладельцами. До первой мировой войны в Латвии уже действовали 163 сельскохозяйственных общества, 300 обществ противопожарного страхования, 236 кредитных кооперативов и 88 обществ по совместной переработке молока⁷.

В конце XIX в. началось развитие кооперативного движения, которое постепенно стало главной формой самоорганизации населения в сфере материального производства. Кооперативные общества организовали школы по вопросам агрономии, выставки сельскохозяйственной продукции, станции племенного осеменения животных, снабжение крестьян посевным материалом, минеральными удобрениями и орудиями труда, а также продажу продукции сельского хозяйства. Эти общества занимались также распространением литературы по вопросам агрономии⁸.

Наряду с обществами, действовавшими преимущественно в сфере сельского хозяйства, рыболовства и других традиционных видов занятий, возникали объединения, связанные с местной культурной жизнью. Со временем они стали важными центрами культурной и просветительской работы. Например, только в одной из культурно-исторических провинций Латвии – Видземе, уже к 1879 г. были зарегистрированы 12 латышских обществ.

Наиболее распространенными в сельской местности были общества хорового пения, которые начали широко распространяться в

60–70-е гг. XIX в. Они создавались при волостных и уездных школах. Общества организовали хоровые коллективы, устраивали концерты и участвовали в праздниках песни. Благодаря деятельности кружков и обществ хоровое пение постепенно превратилось в одну из самых характерных, массовых черт культуры латышей, также как эстонцев и литовцев, а участие в этих кружках и обществах самодеятельности – одной из наиболее распространенных форм общения. Праздники песни стали наиболее красочным массовым общенародным событием, важным средством выражения этнической идентичности латышей, сохранившимся до наших дней. В эти многолюдные, эмоционально насыщенные представления вовлечены десятки тысяч певцов и сотни тысяч зрителей. Число и тех и других существенно возросло со времен первого праздника песни. Например, если на первом Всеобщем празднике песни в Риге в 1873 г. участвовало 45 хоров с 1003 участниками, то на 9-м (или 18-м) празднике в 1980 г. уже выступили 593 хора с 24 000 участниками⁹. В 2001 г. на празднике песни, посвященном 800-летию Риги, только из Латвии участвовало 286 хоров с 11 371 участником, а всего, включая иные группы народного творчества, а также зарубежных гостей, – 634 коллектива и 20 410 участников¹⁰.

Праздники песни, культура хорового пения и музыка в целом стали неотъемлемой чертой культуры латышей, как и других народов Балтии, а песня – не только средством выражения стремления к национальному освобождению, средством единения и протеста, но и средством самоорганизации¹¹.

Помимо обществ хорового пения в 60–70-х гг. XIX в. создавались и другие объединения и общества, бравшие на себя различные функции в масштабах волости. Например, общества пожарных постепенно переняли обязанности обеспечения пожарной безопасности, которые до этого в сельской местности были распределены между крестьянами. Возникли также духовые оркестры, которые скоро стали неотъемлемой частью сельских праздников, особенно танцев на открытом воздухе (*zaļumballes*). Общества домоводства организовывали курсы кулинарии, рукоделия, обустройства жилища и другие подобные мероприятия. Общества культуры устраивали самодеятельные театральные спектакли, различные чтения и т.п.

Общества стали не только инициаторами наиболее важных общественных и культурно-просветительских мероприятий, но также формировали связи между жителями волостей и уездов, а благодаря таким общенациональным мероприятиям, как праздники песни и различные соревнования – и в более широком масштабе.

Для культурно-просветительской работы в сельской местности особенно важно было то, что общества открыли доступ к такому дорогому в конце XIX в. источнику знаний, как книга. При них открывались библиотеки и читальные залы, откуда крестьяне за небольшую плату могли брать домой книги для чтения. Таким образом, к самым необходимым книгам – календарю, азбуке, песеннику и Библии, которые были в каждом крестьянском доме, прибавилась также литература по агрономии, кулинарии, художественные произведения и т.п.

Во второй половине XIX в. в общественной жизни крестьян все более значимое место начинают занимать газеты и журналы, которые распространялись прежде всего среди зажиточных крестьян близлежащих к городам волостей, а с начала XX в. – среди всех слоев крестьян и в отдаленных от городов волостях. В Латвии пользовались спросом крупнейшие периодические издания, такие как *Петербургас Авизес* (Петербургские газеты), *Латвиешу Авизес* (Латышские газеты), *Маяс Виесис* (Гость дома), *Балтияс Вестнесис* (Балтийский Вестник) и ряд других, имевших широкий круг подписчиков. Так, *Латвиешу Авизес* (основана в 1824 г.) в 1862 г. имела 4034, а в 70-х гг. – 8500 подписчиков; *Маяс Виесис* – 6800, *Балтияс Вестнесис* – 3500, а в целом латышская печать насчитывала 30 000–35 000 подписчиков¹². В 1905–1907 гг. издавались 107 латышских периодических изданий, в том числе 63 ежедневных или еженедельных. К 1910 г. латышские книги издавались 79 издательствами¹³.

На рубеже XIX–XX вв. сначала в городах, а затем и в сельской местности популярными стали различные спортивные общества – велосипедистов, тяжелоатлетов и др. Традиционными стали представления силачей, которые удивляли зрителей импровизированной демонстрацией своей силы. В начале XX в. в городах возникли первые женские организации, при которых действовали курсы рукоделия и кулинарии, охраны

материнства и младенчества, устраивались благотворительные базары и т.п. Широкую распространенность получают также молодежные организации.

Кроме этих обществ, в работе которых участвовали в основном латыши, создавались также общества русских и других этнических групп. Так, например, уже во второй половине XIX в. в Латвии действовало более десяти довольно крупных и известных организаций: Русское благотворительное общество, общества пения «Баян» и «Ладо», «Русская артель», «Русский литературный кружок», «Русский театр» и многие другие¹⁴.

По мере социального расслоения в начале XX в., культурно-просветительские общества стали формироваться по социальному принципу. В крупных городах, где было сосредоточено большое число рабочих, уже в конце XIX в. популярными стали пролетарские общества и марксистские кружки, организованные главным образом активистами социал-демократического движения. Среди них также были широко распространены культурно-просветительские общества, общества трезвости, взаимопомощи и другие. Бедные слои сельского и городского населения постепенно стали примыкать к социал-демократическим кружкам, которые внесли в их жизнь новые, политические принципы объединения и самоорганизации. На базе этих кружков в конце XIX – начале XX вв. были созданы первые политические партии и прежде всего – социал-демократическая рабочая партия Латвии.

В этот же период началось развитие также и другой важной формы самоорганизации рабочих – профсоюзного движения. Например, в 1905 г. в Риге 22 профсоюзные организации рабочих и 3 организации служащих уже насчитывали 25 тыс. членов, а в одном из больших городов Латвии – Лиепae – 5 тыс. Профсоюзы были созданы во всех больших и средних городах Латвии – Даугавпилсе, Елгаве, Кулдиге, Слоке, Тукумсе, Вентспилсе. В руках этого наиболее массового движения в краткие сроки оказалась организация всей общественной жизни рабочих фабрик и заводов.

Профсоюзное движение продолжало развиваться в годы первой Латвийской Республики, однако, оно было расколото на правые (социал-демократические) и левые (революционные) профсоюзы. Например, в 1920 г. правые профсоюзы Латвии объединяли

около 25 тыс. рабочих, а левые – около 3 тыс. В 1922 г. число членов левых профсоюзов возросло до 25 тыс. После переворота в 1934 г. в Латвии все профсоюзы были ликвидированы и вместо них созданы новые организации, соответствовавшие задачам режима. Вновь созданные профсоюзы быстро завоевывали позиции и в 1935 г. уже объединяли 50 тыс. членов¹⁵.

Одним из основных факторов общественной жизни государства стали также политические партии, система которых имела много общего с таковой в других странах Западной и Северной Европы.

Продолжала действовать и широкая сеть общественных организаций, объединяющих людей, как по этническому происхождению, так и по интересам разных социальных слоев, профессий и т.п.

В 1920–30-е гг. в Латвии существовали не только различные русские общества, но и общества народов более отдаленных по культуре и происхождению, например, кавказских. В 1929 г. было создано грузинское общество *Иверия*. Постепенно к нему примкнули и выходцы с Кавказа иного этнического происхождения, общество было переименовано и стало называться *Кавказ*. Это был центр общения кавказцев, организации вечеров отдыха, чтений об истории, культуре, искусстве и политических событиях на Кавказе и т.п. Одним из главных направлений работы общества стало также оказание помощи бедствующим соотечественникам. По данным латвийского исследователя Вальтера Щербинского, в 1938 г. общество объединяло 65 членов и 20 активистов. Судя по происхождению их фамилий, по предположению Щербинского, около 30 чел. могли иметь армянское происхождение, остальные 20 – латышское, 10 – русское и 5 – немецкое, вероятно, среди них были женщины кавказского происхождения, вышедшие замуж за рижан¹⁶. Многие общества имели свои здания, печатные органы и т.п.

СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

В годы советской власти в Латвии, как и в других союзных республиках, существовала широкая сеть общественных движений и организаций, начиная от коммунистических партий, профсоюзных и комсомольских организаций до обществ охотников и рыболо-

вов, а также коллективов художественной самодеятельности. Однако их принципиальное отличие от форм самоорганизации гражданского общества состояло в том, что большинство из них создавалось не по инициативе граждан, а по указанию сверху и таким же образом функционировало. Деятельность даже тех общественных организаций, которые были далеки от идеологического фронта, строго регламентировалась, например, к коллективам художественной самодеятельности, репертуар которых утверждался в вышестоящих инстанциях. Общественная работа в годы советской власти была скорее обязанностью, чем свободным проявлением инициативы и интересов.

Однако, несмотря на эту ограниченность, общественная жизнь советского времени все же сыграла, может быть, против собственной воли, и положительную роль в возрождении гражданского общества в конце 80-х гг. XX в. Через деятельность общественных организаций сохранялись и продолжали развиваться связи между людьми, что способствовало сохранению традиций самоорганизации. Большую роль в этом сыграла и продолжает играть принадлежность к той или иной этнической культуре, которая пронизывала все формы проявления самодеятельности, начиная от кружков по плетению корзинок, гончарного дела и т.п. до ярких и многолюдных ярмарок предметов прикладного искусства, куда съезжались народные мастера и просто любители со всех концов республики и которые были известны даже за ее пределами.

Стремление к самоорганизации поддерживалось также художественной самодеятельностью. В кружках танцев и в хоровых коллективах, которые существовали почти в каждом трудовом коллективе, воспроизводилась приверженность к национальной (этнической) культуре. Эти коллективы соревновались на различных зональных уровнях и в конечном итоге они, как ручьи, сливались в огромные национальные форумы – праздники Песни и танца, которые в Латвии проводились через каждые четыре года. Хотя репертуары форумов и утверждались сверху, они были национальными праздниками, как по содержанию, так и по форме.

В годы советской власти вплоть до конца 1980-х гг. действовало большое число различных кружков, клубов и т.п., которые занимались, например, защитой окружающей

среды, исторических памятников, фольклорными сюжетами и др. Деятельность этих структур ограничивалась чаще всего вполне конкретными задачами. Однако благодаря им поддерживались чрезвычайно важные особенности этнической психологии и культуры. Участие в их работе рядовых граждан выражало и усиливало чувства любви к своей родине и побуждало искреннее желание внести вклад в защиту ее природы, памятников истории и культуры. Впоследствии, в конце 1980-х – начале 90-х гг., именно ориентация на этнические ценности придала структурам гражданского общества значение одного из решающих факторов общественно-политической активности и облегчила мобилизацию людей.

* * *

Таким образом, в Латвии, как и в Эстонии, благодаря исторически высокому уровню грамотности и образования населения¹⁷, а также более раннему развитию рыночных отношений, традиции социальной самоорганизации утвердились достаточно прочно уже в конце XIX – начале XX вв. Во многом именно благодаря этим традициям самоорганизации населения гражданское общество смогло возродиться и мобилизоваться в чрезвычайно краткие сроки в период национального возрождения конца 1980-х гг.

КОНЕЦ 80-Х ГГ. XX В.

Гражданское общество Латвии, как и других республик Балтии, сыграло особенно важную роль в национальном возрождении конца 1980-х гг. XX в., которое стимулировалось начатой М.С. Горбачевым политикой перестройки и гласности. В кратчайшие сроки политическая активность снизу оживилась, приобретя особенно широкие масштабы в 1988 и 1989 гг. Активисты гражданских сил Латвии, как и Литвы и Эстонии, инициировали различные массовые демонстрации, митинги и др. общественные мероприятия. В результате этих акций впервые за годы советской власти политическая власть и государство были вынуждены прислушаться к голосу граждан. В каждой из трех республик имелись свои особенности гражданской самоорганизации, которые выражались в неодинаковых приоритетах и формах деятельности в разные периоды. Однако общест-

венные движения всех трех республик имели общую в основных чертах идеологию, что сближало их в этот период и инициировало формирование во многом общепалтийского гражданского общества¹⁸. Единение демонстрации воли граждан всех трех республик усиливало эффект общественных акций и бесспорно оказывало сильное давление на власть в то время.

Движение национального возрождения в Латвии, как в Литве и Эстонии, началось с экологического движения. Именно его мобилизующий потенциал, в силу ряда обстоятельств¹⁹, объединил в чрезвычайно краткие сроки все население трех республик. Благодаря высокоорганизованному движению «зеленых» впервые за всю историю советской власти в Латвии структурам гражданского общества удалось добиться успехов в их противостоянии государству и политической власти. Например, в результате деятельности Клуба экологической защиты удалось остановить разработку двух экологически деструктивных правительственных проектов – строительство дамбы в 1986 г. и Рижского метро в 1988 г. В 1989 г. Клуб организовал массовые демонстрации протеста против загрязнения Балтийского моря. Деятельность Клуба приобретала все большую популярность, главным образом среди молодежи. За несколько лет существования число его членов выросло до более 35 тыс. чел. (1989 г.)²⁰. Популярности деятельности клуба способствовала и широкая поддержка в средствах массовой информации: акции экологической защиты обсуждались на страницах самих популярных печатных изданий.

Хотя всплеск гражданской активности в Латвии, как и в других республиках Балтии, начался с экологического движения, основным мобилизующим фактором, на котором опиралась самоорганизация народов в конце 80-х гг. была историческая и этническая идентичность.

Огромное мобилизующее значение для общественных движений и коммуникации имели этнические и исторические символы. Так, например, движение за восстановление и реабилитацию флагов, гимнов, и других национальных символов независимой республики 1920–30-х гг. волновало подавляющее большинство граждан и обсуждалось в каждой семье. Широко использовались также элементы народной, а также

профессиональной культуры, которые говорили сами за себя²¹.

Мобилизация гражданского общества в Латвии, как и в других странах Балтии, приводила к постепенному освобождению официальных государственных структур от центральной власти. Например, либерализация Союза писателей и других творческих ассоциаций, сыграла очень важную роль в формировании общественных движений. Многие структуры гражданского общества возникли и получили свое развитие именно как формы освобождения от централизованной власти СССР и различных государственных структур.

С 1986 г. в Латвии, как и в других республиках Балтии, начали формироваться также политические структуры гражданского общества. Их начало восходит к деятельности группы по правам человека Хельсинки-86. Этой группе принадлежит приоритет в организации так называемых «календарных» демонстраций, к которым причисляется день депортаций – 14 июня 1941 г., дата подписания пакта Молотова-Риббентропа – 23 августа (1939 г.) и 18 ноября – день провозглашения в 1918 г. независимой Латвийской Республики. Наивысшего успеха Хельсинкская группа достигла в 1987 г., когда ею был организован марш нескольких тысяч человек к памятнику Свободе в г. Риге с возложением цветов по случаю этих календарных дат. Массовость демонстраций в 1987 г. вывела Латвию в лидеры движения национально-возрождения среди трех балтийских республик. Например, если 23 августа 1987 г. в демонстрации в Риге участвовали 7000 чел., то в Таллине – 2000, а в Вильнюсе – от 500 до 1000 чел.²².

Наряду с этнокультурным и политическим возрождением, одно из центральных мест в формировании гражданского общества в Латвии, как и в других республиках Балтии, занимало возрождение свободы вероисповедания. Во главе способствовавшего этому направлению общественного движения стояли молодые пасторы и ксендзы.

Всеохватывающей формой самоорганизации населения в конце 80-х гг. XX в. во всех трех республиках Балтии были Народные фронты. Народный фронт Латвии и Эстонии и его литовский аналог – Саюдис – представляли собой массовую структуру гражданского движения, сформировавшуюся благодаря стечению ряда общественно-

политических, исторических, культурных и других обстоятельств²³. Среди этих факторов не последнюю роль играли исторические традиции самоорганизации, отлаженные способы коммуникации и глубокая озабоченность людей теми идеями, которые были вынесены в лозунги Народных фронтов.

Народный фронт Латвии (НФЛ) был учрежден на первом его конгрессе 8–9 октября 1988 г. Он не рассматривался как замена всем уже действующим общественным организациям, но служил своего рода «зонтом» для них. В короткие сроки число членов и сторонников Народного фронта стремительно пополнялось. Уже весной 1989 г. было 230 000 зарегистрированных членов Народного фронта, а в течение первого года его функционирования это число возросло до 250 000 чел. В течение первого года НФЛ имел поддержку, по меньшей мере, половины населения республики или около 1,3 млн. чел.²⁴ По этническому составу подавляющее большинство членов НФЛ было латышами (85 %).

На начальном этапе НФЛ ставил задачу достижения экономической и политической автономии Латвии в рамках СССР. Однако постепенно это массовое движение приобрело решающий голос в пользу демократических реформ и восстановления государственной независимости республики. Народный фронт Латвии имел свою еженедельную радиопрограмму и еженедельную газету – *Атмода* (Пробуждение), которая издавалась на латышском (тиражом в 100 000 экз.) и русском языке (тиражом 65 000 экз.). Кроме того, НФЛ финансировал также издание религиозной еженедельной газеты *Светдиенас Ритс* (Воскресное утро)²⁵. НФЛ имел развитую структуру региональных отделений, которые организовали его работу на местах. Так, в конце 1991 г., когда активность НФЛ уже снижалась, все же насчитывались 202 региональные организации, каждая из которых состояла, по меньшей мере, из 200 чел. – членов НФЛ²⁶. После достижения основной цели деятельности НФЛ – восстановления государственной независимости – его активность постепенно сошла на нет. Лидеры этого массового движения были выбраны на различные руководящие должности²⁷ и движение трансформировалось в зависимости как от новых условий, так и новых лидеров.

Другой важной формой гражданской мобилизации в конце 1980-х гг. в Латвии, как и в Эстонии, стало движение граждан и создание Комитетов граждан²⁸. Лидером среди них было Движение национальной независимости Латвии (ННЛ), которое объединяло наиболее радикальные слои населения. К апрелю 1989 г., ННЛ, Клуб защиты окружающей среды, Группа Хельсинки-86 и радикальные группы Народного фронта Латвии объединились для создания центров регистрации граждан, причем гражданами Латвии воспринимались только граждане Латвийской Республики межвоенного периода и их потомки. К апрелю 1990 г., т.е. ко времени созыва Конгресса граждан Латвии, было зарегистрировано уже 900 000 граждан и кандидатов в граждане Латвии²⁹. Политическая платформа Комитетов граждан строилась на взглядах о незаконности аннексии Балтийских государств Советским Союзом в 1940 г. Сторонники движения граждан Латвии считали, что в условиях перестройки невозможно реформировать советскую систему власти, любые реформы которой обречены на провал. Более того, сотрудничество с коммунистическими режимами сторонниками этого политического направления рассматривалось как попытка взорвать саму идею национальной независимости. Граждане ставили своей целью создание собственных органов представительства и борьбу за восстановление Латвийского государства.

Оставляя в стороне политические мотивы движения граждан, следует отметить, что его массовость и активность еще раз показали, насколько большим потенциалом самоорганизации обладал в то время народ Латвии. Гражданское движение было глубоко осознанно каждым его участником. Люди легко подхватывали идеи движения и принимали в нем участие без особой агитации. Практически были созданы параллельные органы власти в то время, когда исход подобных действий был не предсказуем, и поражение было вполне реальным.

Комитеты граждан как форма гражданского движения охватывали почти исключительно латышей подобно тому, как в Эстонии, они состояли преимущественно из эстонцев. Это вполне понятно, т.к. задачи этих организаций были сфокусированы на гражданские ценности первых республик, когда подавляющее большинство населения принадлежало к коренным национальностям.

Движение граждан не коснулось русского и русскоязычного населения – переселенцев послевоенного времени по понятным причинам: русское и русскоязычное население было исключено из него, т.к. в подавляющем большинстве не имело предков-граждан Латвии и поэтому не могло разделять эти ценности. Вероятно, оно даже не имело представления об огромной степени важности гражданского движения для коренных народов Латвии и Эстонии.

Для них это была одна из наиболее активных и популярных форм гражданского движения. Комитеты граждан не имели доступа к официальным средствам информации, но их деятельность развивалась благодаря неформальным средствам коммуникации: активисты шли от дома к дому, пропагандируя свои цели и мобилизуя сторонников движения.

Гражданское движение в Латвии, как и в Эстонии, сумело эффективно использовать традиции самоорганизации народов и их готовность бороться за восстановление государственной независимости.

В конце 1980-х гг. возникли также различные формы самоорганизации русского и русскоязычного населения Латвии. В это время в Латвии, как в Эстонии и в Литве, наиболее влиятельным движением преимущественно русского и русскоязычного населения был Интерфронт – Интернациональный фронт рабочих (в Литве – Единство), который был создан в значительной степени в противовес массовым движениям, объединяющим преимущественно латышей, эстонцев и литовцев. Цель Интерфронта и Единства – защита социализма и целостности СССР. Несмотря на то, что эти движения были наиболее массовыми, они не имели существенного влияния в обществе, и не оказывали воздействие на гражданскую самоорганизацию и мобилизацию русскоязычного населения.

Помимо Интерфронта, претендующего на лидерство движения, создавались и другие ассоциации, общества и НПО русского и славянского населения. Так, летом 1988 г. по инициативе Русского, Украинского и Белорусского культурных Центров было создано Балто-Славянское Общество культурного развития и кооперации, а в последствии – также ряд других неправительственных организаций, отражающих интересы в основном русского и русскоязычного населения

Балтийских государств. В самоорганизации этой этнической и лингвистической группы латвийского общества есть свои особые направления и социальная база, которые во многом отличаются от таковых у других групп этнических меньшинств. Эти общества, ассоциации и неправительственные организации борются за сохранение и воспроизводство культурной жизни русских (Латвийское общество русской культуры – ЛОРК), занимаются оказанием различных услуг (например, юридических). Среди них есть организации с комплексными целями (например, поддержать общественную жизнь русских), и организации, которые возникли в результате того или иного политического решения (например, в связи с реализацией Закона об образовании)³⁰. В формировании структур самоорганизации русского и русскоязычного населения Латвии в подавляющем большинстве случаев политические факторы играют решающую роль.

Среди наиболее активных НПО можно назвать Латвийский комитет прав человека, Русскую общину Латвии, Общество русских в Латвии, Латвийскую ассоциацию поддержки школ с русским языком обучения, Латвийскую ассоциацию преподавателей русского языка, Фонд Александра Меня, Латвийское общество Пушкина и другие. Кроме того, русское и русскоязычное население принимает участие также в работе других обществ и ассоциаций (например, в деятельности Экономической ассоциации русских граждан Латвии, и др.). Формировались также Ассоциации политически репрессированных лиц и ряд других политических организаций.

Несмотря на довольно широкий спектр политических, культурных и других неправительственных организаций, созданных лидерами русскоязычного населения, степень самоорганизации большей части жителей славянского происхождения Латвии, как и других стран Балтии существенно уступала и продолжает уступать самоорганизации латышей. Такая ситуация характерна и для других постсоветских государств. Сегодня российская диаспора в государствах нового зарубежья разобщена и раздроблена. Существуют около 40 общественных организаций на Украине, около 30 в Литве и т.п. Некоторые из них культурологического типа, другие более политизированы. Однако ни те, ни другие еще не смогли объединиться, скоординировать свои действия для защиты интере-

сов русскоязычного населения и интеграции русских в новых условиях там, где эта возможность реально существует³¹. Основная причина такой ситуации заключается в различиях мотивации самоорганизации. Если для латышей, как и других народов Балтии, основным цементирующим мотивом и фактором объединения была борьба за восстановление независимости собственных национальных государств, то русскоязычное население оказалось идеологически дезориентированным. Для русских, белорусов, украинцев и представителей других народов СССР, которые в результате послевоенной миграции оказались жителями Балтийских республик, как впрочем, и других союзных республик, фактор национального (этнического) единства в самоорганизации не играл почти никакой роли. Фактор же политического единства, вокруг которого мобилизовалось русскоязычное население в годы советской власти, в результате политических перемен 90-х гг. утратил свою силу и привлекательность для многих представителей славянских народов. Развитие политических событий второй половины 2003 г. свидетельствует о том, что мощным фактором консолидации русскоязычного населения Латвии может стать поддерживаемое российским государством и российскими политиками противостояние латвийской политике относительно русских школ и их перспектив в будущем.

Хотя и активизация общественной жизни в республике в конце 1980-х – начале 1990-х гг. касалась, прежде всего, латышей, по мере формирования различных движений и развития структур гражданского общества, активизировалось общественное движение национальных меньшинств Латвии. Так, в 1988 г. было создано Латышско-армянское общество, Культурно-просветительское общество крымских татар, Азербайджанское культурное общество *Дружба*, Татарское общество *Идель*, Узбекское культурное общество *Нур*. С 1993 г. в Латвии действуют культурное якутское общество *Чорон*, чечено-ингушское общество *Вайнах* и другие культурные общества. В настоящее время в Латвии существуют несколько сот обществ и НПО национальных меньшинств. Около 250 из них действуют активно. 21 общество объединилось под руководством Ассоциации национально-культурных обществ Латвии имени Иты Козакевич, в 2000 г. создана Вентспил-

ская Ассоциация национально-культурных обществ, формируется также ассоциация национальных меньшинств г. Риги³².

Помимо культурно-просветительских обществ, важными формами самоорганизации национальных меньшинств выступают также религиозные организации. В Латвии действует Армянская апостольская церковь (с 1993 г.), Рижский городской мусульманский приход, мусульманский приход *Идель* и Даугавпилский исламский центр.

Среди этнических меньшинств в Латвии наиболее организованными являются литовское, эстонское, польское и еврейское национальное меньшинство. Литовская община Латвии*, например, имеет 8 региональных обществ, эстонская община – 4, польская – 14, и еврейская – 7 региональных обществ. Хотя и в работе каждой из этих общин есть своя специфика и приоритетные направления, культурные общества проявляют особую заботу о сохранности культурных народных традиций и языка.

1990-Е ГОДЫ XX В. – НАЧАЛО XXI В.

Вершины самоорганизации гражданское общество в Латвии, как и в других странах Балтии, достигло в начале 1990-х гг. Для общественных движений национальной ориентации распад СССР означал победу и создал условия для реального восстановления государственной независимости этих республик. Начался новый этап – функционирование гражданского общества в условиях перехода к демократии и консолидации демократических сил Латвии, Эстонии и Литвы.

Цели массовой самоорганизации народов рубежа 1980-х и 90-х были достигнуты, и это естественно резко ослабило мотивацию для участия в деятельности гражданского общества. Новые демократические государственные институты взяли на себя функции, ранее выполнявшиеся добровольными организациями. То, для чего раньше требовались особые усилия, теперь стало относительно легко достижимо правовыми средствами. Массовая мобилизация не может длиться до бесконечности и многие рядовые, да и не только рядовые, участники движений и добровольных организаций рады были вернуться к обычной жизни, вновь погрузиться в

работу и заботы о семье. Многие бывшие лидеры общественных движений и НПО, как уже упоминалось, стали чиновниками или депутатами. Это – естественный процесс, характерный для всех пост коммунистических стран.

Объяснимым было также и некоторое разочарование в достигнутом, которое в реальности всегда оказывается не таким радужным, как его рисовало воображение в период борьбы³³. Свободный рынок вызвал новые возможности самореализации и обогащения, но он принёс также и конкуренцию, индивидуализацию и атомизацию общества³⁴.

Необходимо также отметить, что информационно продвинутое, особенно – молодое поколение, местному гражданскому обществу предпочитает участие в различных общественных структурах, выходящих далеко за пределы Латвии, как и других государств Балтии, и участвуют в деятельности глобального гражданского общества. Этому способствует, помимо открытости границ со странами Западной Европы и всего мира, усиление связей с многочисленной латышской диаспорой в этих государствах. Благодаря этому жизненные личные стратегии часто выходят за границы собственных государств. Рост числа национальных представительств международных неправительственных организаций в Латвии, как и в других странах Балтии также создает прекрасные условия для развития гражданского общества именно в этом направлении.

Хотя снижение активности НПО после достижения независимости и демократии – явление всеобщее и «нормальное», в Латвии, как и в других странах Балтии, оно было более заметно, чем в странах Центральной Европы. Как по числу НПО, так и по численности их членов и активности участия в них Латвия, как и другие страны Балтии существенно отстают от этих государств и от старых, стабильных европейских демократий. Всплеск самоорганизации народов Балтии мотивировался, прежде всего, сильнейшим национальным чувством, однако, превращение самоорганизации в стабильный элемент культуры демократии – дело времени, о чем свидетельствует история. Впрочем, в Латвии, как и в других странах Балтии, существуют исторически сильные традиции самоорганизации и это дает основание предпола-

людей одного этнического происхождения

* В настоящей статье термин *община* употребляется только для формального обозначения совокупности

гать, что гражданское общество сохранит большой потенциал для мобилизации в нужных ситуациях.

Несмотря на снижение активности общественных организаций в начале 1990-х гг., в Латвии, как и в других Балтийских странах, развиваются различные неправительственные организации³⁵. В конце 1990-х гг. в Латвии, как и в Эстонии и в Литве, были созданы специальные центры для осуществления координации деятельности НПО и продвижения развития демократического и интегрированного гражданского общества. Центры являются также образовательными и консультативными ресурсами поддержки сетей НПО в каждой из стран. Они организуют специальные образовательные программы по вопросам управления НПО, поисков финансовых средств, оказывают поддержку в создании локальных координационных центров, которые формируются помимо столиц республик и в других крупных городах. В 2000 г. в Латвии уже функционировало 14 локальных координационных центров.

Точное число существующих в настоящее время в Латвии НПО трудно установить, т.к. многие из этих организаций официально не зарегистрированы, а другие – наоборот, будучи официально зарегистрированными, перестали действовать. В настоящее время проводится работа по созданию банка данных НПО Латвии. С учетом сказанного, число неправительственных и религиозных организаций, общественных фондов, спортивных и профсоюзных организаций в Латвии возросло с 1676 в 1995 г. до 3922 в 1999³⁶, а в 2000 г. достигло уже 4505³⁷. По данным 2001 г. в Латвии было зарегистрировано 6288 НПО³⁸. Несмотря на их многочисленность, в 1999 г. лишь 1400 организаций считались активными³⁹. Большая часть НПО действуют в городах и, прежде всего – в Риге (70 %), а также в других больших городах (Даугавпилс, Вентспилс, Юрмала, Лиепая, Резекне и Елгава). Несмотря на то, что число НПО возрастает, в основном это – небольшие по численности организации. По данным Центра НПО, 44 % составляют НПО, численность членов которых колеблется от 10 до 30 чел., 14 % – с численностью до 10 чел. и лишь 4 % составляют НПО, численность которых превышает 500 чел., а 5 % НПО не смогли определить, сколько членов они насчитывают⁴⁰.

Невелика также доля населения, вовлеченного в работу НПО. По данным исследования Балтийский Барометр (Baltic Barometer), в 1996 г. членами НПО являлись лишь 9 % латышей и 2 % представителей других национальностей⁴¹. Согласно оценке Латвийского Центра НПО, в добровольном частном секторе активно вовлечены только от 0,5 до 3,0 % населения⁴². В Латвии, как и во всех трех республиках Балтии большинство членов НПО – женщины (60 % от общего числа).

Для сравнения отметим, что число НПО в Эстонии после 1991 г. увеличивалось ежегодно примерно на 400 организаций, включая культурные ассоциации, различные исследовательские и образовательные центры и фонды и др. По данным Программы Развития ООН, в конце 1995 г. в Эстонии уже было 4000 активных ассоциаций, обществ и организаций, включая около 440 профессиональных и 500 религиозных ассоциаций, более 800 спортивных ассоциаций и 230 фондов⁴³. К 1999 г. число НПО в этой республике достигло 5581⁴⁴. Согласно данным Сети некоммерческих организаций Эстонии, в 2000 г. уже было зарегистрировано 8000 НПО, включая 1300 культурных обществ, 1200 спортивных организаций, более 1000 образовательных организаций, 600 профессиональных групп, более 500 НПО работающих в области социальных проблем, 500 религиозных организаций, более 500 групп занимающиеся вопросами местного развития, 400 НПО защиты окружающей среды и 250 фондов⁴⁵. Из всех НПО 64,2 % действуют в городах, в основном – Таллине (1600 активных организаций) и Тарту (600). Из всех НПО 75 % считают себя экспертами на местном уровне, а 20 % – на национальном уровне.

Также как и в Латвии, в Эстонии трудно определить, какая доля населения участвует в работе НПО. По данным Freedomhouse⁴⁶, в Эстонии в работе НПО участвует каждый седьмой эстонец, а если к НПО причислить также и церковные и профсоюзные организации, то – каждый четвертый. Согласно опросу *Местное самоуправление и гражданская активность*, проведенного в 1999 г. в Эстонии, 48 % опрошенных ответили, что они участвовали в работе различных ассоциаций и обществ. По данным Доклада ООН по вопросам женщин, в Эстонии насчитываются 160 женских организаций⁴⁷. В Литве

в 2000 г. было зарегистрировано более чем 3000 НПО и это число ежегодно увеличивается на 200 вновь созданных НПО⁴⁸.

О гражданской активности говорит также членство в политических партиях и число самих партий, что свидетельствует о разнообразии политических интересов населения. В Латвии в 1999 г. были зарегистрированы 44 политические партии, членами которых по данным исследования Латвийской ассоциации независимых социологов *Прогноз*, являлись 5 % граждан Латвии. Для сравнения отметим, что в Литве в 1999 г. были зарегистрированы 35 политических партий, членами которых являлись около 1–2 % населения Литвы⁴⁹; в Эстонии в 1998 г. были зарегистрированы 28 политических партий, членами которых являлись 2 % эстонцев и 1 % не эстонцев.

Статистика центра НПО Латвии не учитывает этнического состава НПО. Однако наблюдения и экспертные оценки свидетельствуют, что латыши, как и эстонцы и литовцы более активны в работе структур гражданского общества. Это подтверждается также социологическими обследованиями. Согласно данным обследования Европейских ценностей, проведенного в 1999 г. в Латвии,

около 31 % опрошенных ответили, что они являются членами НПО (в 1996 г. – 36 %), из них 66 % были латышами, 24 % – русскими и 10 % – представителями других этнических групп⁵⁰. По данным Национального обследования общественного мнения, проведенного в Литве в 1998 г., лишь 9 % опрошенных ответили, что они являются членами НПО. Из них 10 % были литовцами, 7 % – русскими и 6 % – поляками⁵¹. В Литве, где была сильна роль католической церкви, гражданские структуры не имели таких традиционных корней, как в Латвии и в Эстонии⁵².

Возрождение в Латвии традиционных для латышей НПО, как и в Эстонии, наряду с более развитыми у латышей и эстонцев элементов самоорганизации по сравнению с русскоязычным населением, может быть одной из причин преобладания представителей этих народов среди членов НПО.

Сохраняются также различия между Латвией и другими странами Балтии, с одной стороны, и Норвегией – с другой, в распределении сфер функционирования неправительственных организаций (см. табл. 1).

Таблица 1

Доля населения, участвующего в работе неправительственных организаций в Норвегии, Латвии, Литве и Эстонии, 1996 г.⁵³

	Принимают активное участие в деятельности			
	Норвегия	Латвия	Литва	Эстония
1. Церкви и религиозные организации	8 %	3 %	3 %	2 %
2. Спортивные организации, клубы и НПО свободного времени	23 %	5 %	3 %	6 %
3. Ассоциации искусств или НПО, занимающиеся культурной деятельностью	15 %	5 %	3 %	5 %
4. Профессиональные союзы	15 %	2 %	1 %	1 %
5. Политические партии и движения	3 %	1 %	1 %	1 %
6. Экологические организации	1 %	1 %	0 %	0 %
7. Профессиональные организации	9 %	3 %	1 %	1 %
8. Благотворительные организации	9 %	1 %	1 %	1 %
9. Другие НПО	15 %	2 %	0 %	1 %

Как видно из таблицы, Латвия, как и другие страны Балтии существенно отстают от Норвегии по доле населения, участвующего в работе неправительственных организаций. В то же время, очевидно, что в Литве активность населения значительно ниже, чем в Латвии и в Эстонии. По данным Центра

НПО, в 1998 г. 51 % НПО действовали в социальной сфере, 33 – в сфере защиты окружающей среды, 28 – образования и культуры, 26 % – в молодежной сфере, 21 % – в сфере прав человека, 9 – здравоохранения и медицины, 4 – защиты прав детей, 4 % – в сфере экономики. Для сравнения отметим,

что в Европейском Союзе в социальной сфере действуют 57 % НПО, в сфере образования и культуры – 46 %, защиты прав человека – 35 %, в сфере здравоохранения – 26, окружающей среды – 18, в сфере бизнеса и профессиональные НПО – 8 %⁵⁴.

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ И УКРЕПЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Дальнейшее развитие гражданского общества в Латвии, как и в других странах Балтии, сопряжено с рядом объективных трудностей, которые общественным активистам предстоит преодолеть с тем, чтобы превратить участие в гражданских движениях и НПО в элемент подлинной демократической культуры. Обратимся к анализу трех, на мой взгляд, главных аспектов.

Финансовая поддержка

Одна из наиболее острых проблем в работе НПО – недостаток финансовых средств – основы для успешной и длительной деятельности НПО. Очень часто активисты гражданского общества не имеют денег для оплаты аренды помещения, электричества и других необходимых коммунальных услуг, что чрезвычайно затрудняет работу неправительственной организации. Основным источником финансирования, как правило, являются пожертвования и гранты международных фондов, а также экономическая деятельность НПО. Например, лист доноров Латвийского центра НПО в 1999 г. включал 31 международное грантовое агентство⁵⁵. К концу 1999 г. субсидии и доход от экономической деятельности НПО в Латвии составляли 501,141 LVL (835,235 USD) из которых 341,505 LVL (569,175 USD) или 68 % были использованы для поддержки проектов и программ за это время⁵⁶.

Государственная поддержка третьему сектору является скорее исключением, чем правилом. До конца 1990-х гг. третий сектор в Латвии вообще не поддерживался государством, а в Эстонии и в Литве НПО получали очень скромную поддержку. По данным Центра НПО Латвии, финансирование у разных НПО сильно различается. Так, 5 % НПО указали, что в 1999 г. они вообще не имели никакого финансирования и из-за этого не могли оплачивать работу сотрудников и аренду помещений. Наиболее многочисленную группу – 27 % – составляют НПО, фи-

нансирование которых колебалось от 100 до 1000 латов в год. В целом у 60 % НПО годовой бюджет не превышал 5000 латов и большинство из организаций для достижения своих целей могли себе позволить тратить в среднем 400 латов ежемесячно для обеспечения администрирования НПО. Примерно такое же количество НПО указали, что у них нет наемных работников. Лишь 3,3 % НПО имели годовой бюджет, превышающий 50 000 латов.⁵⁷

По данным опроса Центра НПО, проведенного в 2000 г., в качестве основного источника финансирования 50 % НПО указали членские взносы, 19 % НПО привлекают средства также местных предпринимателей, бюджет 17,6 % НПО формируют также пожертвования от частных лиц. Средства местного самоуправления смогли получить 13 % НПО, а государственные средства – только 8,2 % опрошенных НПО⁵⁸. Как видим, государственную финансовую поддержку имеют незначительная доля НПО. Для сравнения отметим, что в Румынии 45 % всего финансирования сектора НПО обеспечивается государством, в Чехии эта доля составляет 39 %, в Словакии – 22 %. В Ирландии, стране ЕС, 77 % финансирования третьего сектора обеспечивает государство, и примерно такая же ситуация наблюдается в Бельгии. В Америке и Австралии государственное финансирование сектора НПО составляет 33 %. В странах Латинской Америки этот процент значительно ниже – 9 %⁵⁹.

В последние годы государство начинает выделять некоторые средства на основе результатов конкурсов проектов. За последние три года для финансирования деятельности всех национально-культурных обществ, включая издание газет, журналов и книг, из государственного бюджета было выделено 14 490 латов, что составляет около 72 лат в год на одно активно действующее общество⁶⁰.

Для сравнения отметим, что в Литве, согласно данным исследования, проведенного среди НПО, доходы третьего сектора в 1998 г. формировались из следующих источников: из фондов международных программ – 45,4 %; поддержка государства – 19,4 %; поддержка благотворительных фондов – 18,2 %; поддержка от частных лиц и компаний – 6,2 %; доход от коммерческой деятельности – 5,9 %; членских взносов – 3,1 %⁶¹.

Финансовые условия третьего сектора более благоприятны в Эстонии, особенно после создания Фонда интеграции в 1998 г. Фонд поддерживает мероприятия и проекты, нацеленные на национальную интеграцию, и проводит крупномасштабные программы в этом направлении. Хотя, основную финансовую поддержку все же оказывают международные партнеры Фонда интеграции. Например, Скандинавские страны и Проект «Поддержка программы государственной интеграции» Программы развития ООН выделили для трехлетней программы 22,5 млн. эстонских крон, Программа PHARE для «Программы изучения эстонского языка» имеет бюджет в размере 22 млн. эстонских крон на два с половиной года.

Взаимоотношения между НПО и государством по вопросам финансовой поддержки деятельности третьего сектора складываются по-разному. С одной стороны, государство испытывает финансовые трудности и уже поэтому поддержка НПО не может быть достаточной. С другой – государство должно быть уверено, что неправительственная организация имеет необходимый потенциал, что выделенные средства будут использованы эффективно и по назначению, а это не всегда возможно проконтролировать. Не секрет также, что в Латвии, как и в других постсоветских государствах, идет сильная конкуренция между НПО за финансовую поддержку, как из бюджетных средств, так и из международных благотворительных фондов. В результате этой конкуренции нередко финансовую поддержку получает не НПО, обладающие наиболее подготовленными активистами, опытом работы и другими ресурсами, а те из них, руководители которых обладают лучшими навыками представления своих проектов и имеют лобби в соответствующих структурах.

В связи с этим необходимо отметить практику некоторых городов, в которых найдено интересное и действенное решение финансирования НПО. Например, в г. Лиелварде и Талсы активисты местного сообщества провели форумы граждан, на которых обсуждались наиболее актуальные вопросы жизни этих городов и пути их решения. Таким образом, делаются попытки интеграции местного общества и формирования местных гражданских структур. Активистами выступают представители местного самоуправления, неправительственных организа-

ций, предприниматели, учителя, пенсионеры и другие горожане. Так, в 2002 г. в г. Талсы создан *Фонд Талсинского края*⁶². Деятельность этого фонда осуществляется благодаря денежным пожертвованиям самих талсинцев. Через фонд поддерживаются важнейшие инициативы – обустройство детских игровых площадок, восстановление стадионов и другие мероприятия. В 2002 г. были проведены также Лиелвардский форум и Талсинский форум, на которых обсуждались актуальные проблемы благоустройства и социальной жизни городов. Такую инициативу вовлечения граждан в дела местного сообщества можно только приветствовать и пожелать ее расширения в других городах и сельской местности.

Популярность НПО

Общество в Латвии в целом, как и в других республиках Балтии, весьма слабо информировано о работе НПО. Например, по данным исследования, проведенного Балтийским домом (Baltijas Datu nams), в 1998 г. только 8 % респондентов были хорошо осведомлены о деятельности неправительственных организаций; 20 % опрошенных знали о НПО в общих чертах; 26 % – кое-что только слышали о них, а 45 % ничего не знали о работе НПО. Основным источником информации о НПО для 56,4 % опрошенных является телевидение; для 50,3 % – газеты; для 28,0 % – радио; 13,9 % – друзья и 3,6 % – другие источники.

Примерно такая же ситуация наблюдается, например, в Литве. Согласно данным Национального исследования общественного мнения, проведенного в 1998 г., 67 % опрошенных знали, по меньшей мере, одну неправительственную организацию, которая обеспечивала услуги в конкретных общинах. Из них 73 % составляли литовцы, 50 % – русские и 48 % поляки. В этом обследовании чаще всего упоминалась НПО *Каритас* (30 % тех, кто знал хотя бы одну НПО, называли именно ее)⁶³. Такая же информированность о деятельности НПО прослеживается в Эстонии.

Общество в целом не имеет сведений о задачах и приоритетах НПО и не знает, какими вопросами занимается та или иная общественная организация. Ограниченность популярности НПО лимитирует расширение числа их членов и популярность успехов НПО. Для расширения публичности НПО в Латвии предпринимаются различные меры.

Например, сотрудниками Латвийского центра НПО в республиканской прессе только за последние годы было опубликовано более 60 статей, посвященных деятельности третьего сектора; каждую пятницу транслируется 10-минутная радиопередача о главных событиях в этой области, издано несколько специальных выпуска «Вести НПО», публикуется на латышском, русском и английском языках и широко распространяется буклет о деятельности Центра НПО. В Литве также раз в два месяца публикуется бюллетень *Третий сектор* Литовского Центра НПО и поддержки. Бюллетень широко распространяется среди местных и зарубежных НПО, центральным правительством и органами местного самоуправления, научными исследователями, средствами массовой информации, библиотеками, донорами и т.п.

Популярность НПО в Латвии, также как в Эстонии и в Литве расширяется по мере развития сети ИНТЕРНЕТ. Центры НПО, а также многие общественные организации имеют свои домашние странички, откуда пользователи могут почерпнуть полезную и интересную информацию и впоследствии приобщиться к их работе. Однако, только 20 % латвийских НПО обеспечены помещением, компьютерами и доступом к ИНТЕРНЕТ, что представляет собой отдельную проблему.

Отношения с государственными чиновниками

Одним из наиболее серьезных вопросов, с которыми сталкиваются НПО на данном этапе развития гражданского общества в Латвии, как и в других республиках Балтии, – это отношения с государственными служащими. Представители государственных структур чаще всего относятся к деятельности НПО с недоверием или же воспринимаяют их в качестве своих конкурентов вместо того, чтобы искать пути сотрудничества. Такие отношения между представителями НПО и чиновниками сложились в результате отсутствия опыта длительного сотрудничества между сторонами.

Отрицательное отношение официальных лиц испытывали многие лидеры и рядовые члены НПО, как в Латвии, так и в Литве. Именно этот фактор на первом месте назвали 42 % опрошенных в упомянутом Национальном обследовании Литвы (опрошены представители 50 НПО) в 1998. В то же время

недостаток финансовых средств назвали 24 %, а недостаток знаний и опыта работы в области НПО – 16 %⁶⁴.

Несколько более благоприятно обстоит дело в Эстонии. Эстонские НПО и политические партии сделали важный шаг в декабре 1999 г., подписав Меморандум о кооперации между политическими партиями Эстонии и организациями третьего сектора, нацеленный на коррекцию государственной политики и продвижение демократии в Эстонии. В этом Меморандуме третий сектор представлен как равноправный партнер политических партий в деле развития гражданского общества. Фактом подписания Меморандума третий сектор Эстонии открывает возможность действительно влиять на управление государством перманентно, а не только в период выборов. Тем самым сеть НПО Эстонии приобрела возможность лоббирования законодательной работы и влияния на законодательский процесс на начальной его стадии через организационно прозрачный и легальный канал.

По мере накопления опыта, навыков работы, популярности НПО и уважения в обществе, эти отношения между государственными чиновниками и представителями третьего сектора меняются. Директор Латвийского центра НПО отметила следующее⁶⁵:

НПО становятся все более компетентными не только в профессиональной сфере. Они начинают все более понимать свою роль и пути достижения целей. Местные самоуправления и государственные служащие также начинают понимать, что НПО могут принести пользу. Какие-нибудь 5–6 лет тому назад государственные структуры смотрели на НПО с подозрением, полагая, что НПО существует только для того, чтобы критиковать государство. Теперь им ясно, что НПО заинтересованы в решении многих вопросов и могут сделать это эффективно. НПО – это не государственный чиновник, который делает что-то, потому что это – его или ее работа. НПО – это общность людей, которые собрались вместе именно для того, чтобы решить проблему. Государство начинает их воспринимать как партнеров, а не как угрозу.

Разумеется, формирование отношений сотрудничества между представителями НПО и государственными чиновниками – длительный процесс, результаты которого зависят от того, насколько эффективно

будут работать НПО и оправдают ли они надежды государства на третий сектор как на партнера.

Сказанное руководителем Центра НПО Латвии подтверждается возрастанием внимания со стороны высшего руководства государства к деятельности третьего сектора. Например, на Форуме НПО в 2001 г. было озвучено приветствие Президента Латвийской Республики госпожи Вайры Вике-Фрейберги, выступали также премьер-министр и министр иностранных дел республики, которые высоко оценили деятельность третьего сектора и высказали надежды на его партнерское сотрудничество с государством.

Типы НПО

Сети неправительственных организаций, их группы и ассоциации представляют аккумулярованные общественные интересы различных социальных, этнических, политических и других групп населения. В контексте одной из наиболее значимых социальных проблем современной Латвии – интеграции общества – важно стимулирование развития этих сетей, групп и ассоциаций НПО. Цель этого – формирование активного заинтересованного и участливого отношения людей к окружающей их социальной действительности, способности влиять на принятие решений, касающихся их интересов. В этом смысле уже рост числа НПО в целом свидетельствует о формировании множественных групп по интересам и определенную их консолидацию. Однако для определения роли НПО в общественной жизни Латвии в целом необходимо раскрыть структуру третьего сектора и выделить основные типы НПО, сформировавшиеся в Латвии за последние десять лет. Необходимо подчеркнуть, что проблема интеграции общества в Латвии не сводится только к межэтническому сплочению, как это часто представляется. Однако, поскольку задачи нашего анализа касаются прежде всего именно этого аспекта интеграции, на данной стадии исследования мы выделяем четыре основных типа НПО, роль которых в консолидации общества нельзя недооценивать:

- *НПО межэтнической интеграции,*
- *национально-культурные общества и ассоциации этнических меньшинств,*

- *исторически традиционные НПО, и*
- *НПО, не имеющие особой этнической ориентации.*

Разумеется, выделенные четыре типа не раскрывают всю полноту структуры третьего сектора. Однако и данная типологизация может быть полезной для анализа, в то время как полная и детализированная классификация НПО – задача дальнейшего исследования.

НПО межэтнической интеграции

Принятая и уже действующая программа интеграции общества в Латвии открывает широкие возможности для деятельности НПО в целом и, особенно – для тех из них, которые специально нацелены на сплочение общества на разных уровнях – местном, региональном и национальном. Эта программа может рассматриваться как начало движения НПО в новой для гражданского общества сфере, которая – за некоторыми исключениями – не была прежде охвачена ни в Латвии, ни в Эстонии, где также осуществляется государственная программа интеграции. Именно реализация программы интеграции во многом инициировала возникновение нового типа НПО, который может быть назван *НПО межэтнической интеграции*. Их характерной чертой является фокус на сферу современных межэтнических отношений в Латвии. Сфера интересов НПО этого типа – защита прав человека и этнических меньшинств, образование и в известной степени – обеспечение услуг. Миротворческие акции НПО этого типа включают, прежде всего, поддержку стратегий интеграции в Латвии: организацию общегосударственных кампаний в поддержку либерализации законодательства о гражданстве и языке, участие в разработке государственных программ национальной интеграции общества и организацию их широкого публичного обсуждения, обеспечение независимой экспертизы, продвижение демократичной политической культуры терпимости, уважения плюрализма мнений и т.п.

Уже в 1990-х гг. в Латвии действовали несколько НПО, целенаправленно и успешно работающие на благо общенациональной интеграции. Эта работа активизировалась после создания в 2002 г. Фонда интеграции. Следует отметить, прежде всего, Латвийский центр прав человека и этнических исследований (ЛЦПЧЭИ), который был создан в 1993 г. с целью просвещения в области прав че-

ловека, защиты и мониторинга прав человека и этнических отношений, продвижения диалога. Латвийский центр прав человека и этнических исследований, несмотря на небольшой штат (4 постоянных сотрудника и несколько волонтеров) сыграл решающую роль в налаживании контактов между различными этническими группами латвийского общества в целом и, особенно – во время обсуждения поправок к Закону о гражданстве, вынесенному на Референдум в 1998 г. Деятельность Центра высоко оценена международным сообществом. В 1998 г. Центр получил награду, присуждаемую США и Европейским Союзом, лицам или группам, внесшим существенный вклад в укрепление силы закона, гражданского общества и демократии. Эта награда Центру была присуждена за ведущую роль в деле защиты прав человека, правового образования и за мирное урегулирование конфликтов в Латвии. В том же году ЛЦПЧЭИ стал кооперативным членом Международной Хельсинкской федерации прав человека – сети групп по правам человека, функционирующих в большинстве стран ОБСЕ. Деятельность ЛЦПЧЭИ сосредоточена также на просвещении в области прав человека в средних учебных заведениях. Центром опубликован ряд материалов просветительского характера, в том числе настольная книга для преподавания прав человека и толерантности для учителей (1996 г.) и латышская версия Альбома прав человека Совета Европы (1996 г.) и видеоматериал *Вставай за права человека сейчас!* (1997 г.). Центр организовал целый ряд семинаров для обучения учителей в этой сфере.

Область деятельности Центра распространяется также на права женщин, в том числе маргинальных и таких особенно ранимых групп, как душевнобольные, беженцы и заключенные, для которых также опубликованы настольные книги об их правах, проведены семинары для работников социальной сферы, вовлеченных в работу с этими группами.

Однако основным объектом внимания сотрудников Центра всегда были права меньшинств и этнические отношения. По мнению опрошенных в 2000 г. в Латвии экспертов, деятельность Центра решающим образом повлияла на результаты голосования по поводу поправок к Закону о гражданстве во время Референдума в 1998 г. В результате закон был существенно либерализован.

Центр провел общелатвийскую кампанию с целью разъяснения необходимости поправок к Закону. Успех деятельности этой НПО в значительной степени определялся несколькими факторами. Во-первых, кампания 1998 г. поддерживалась одной из наиболее влиятельных политических партий – «Латвияс цельш»; во-вторых, во главе Центра со дня его основания и по настоящее время находится высокообразованный и опытный политолог Нилс Муйжниекс, который не только глубоко понимает интересы всех этнических и лингвистических групп Латвии, но и владеет необходимыми навыками стратегического управления общественными процессами. Роль руководителя Центра Нилса Муйжниекса была оценена: в настоящее время он назначен министром особых задач в делах интеграции общества Латвии.

Другой, наиболее влиятельной НПО в этой области является Латвийский комитет прав человека (ЛКПЧ), зарегистрированный в 1995 г. ЛКПЧ своей целью ставит соблюдение Международного пакта прав человека и других международных правовых документов, оказание юридической помощи в случаях обращения жителей с просьбами об этом, мониторинг прав человека и другие вопросы, связанные с правами в основном русскоязычного населения Латвии. Штат Комитета состоит из 15 чел., в том числе – депутатов парламента (Сасймы) и рижской городской думы. Комитет регулярно готовит и распространяет различные документы в области прав человека в Латвии, совместно с другими НПО, представляющими в основном интересы русскоязычного населения, организует различные общественные демонстрации, пикеты и другие акции протеста в защиту прав именно этой части жителей. Комитет входит в состав парламентской фракции *За права человека в единой Латвии*, объединяющей наиболее активные НПО русскоязычного населения. Эти НПО, несомненно, оказывают влияние на некоторые государственные решения. Например, деятельность Латвийского комитета по правам человека способствовала либерализации Закона о гражданстве и оказала влияние на голосование на Референдуме в 1998 г. Парламентская фракция *За права человека в единой Латвии* в настоящее время особенно активно работает в направлении ограничения действия Закона о языках и Закона об образовании. Она уже организовала несколько ак-

ций протеста, связанных именно с применением этих законов. В частности, 8 сентября 2000 г. она провозгласила о начале акции неповиновения с целью «заставить государство признать многокультурную природу латвийского общества, уважать достоинство, права и интересы каждого, независимо от его/ее этнического происхождения и родного языка». Призыв к неповиновению был широко провозглашен по всей Латвии. Он включал следующие пункты:

- популяризация публичного использования русского языка;
- использование русского языка и языков этнических меньшинств по возможности шире;
- использование исторических названий улиц, городов, и других объектов, которые существовали на языках этнических меньшинств;
- воздержаться от использования услуг тех частных предприятий, которые отказываются дать информацию на русском языке и др.⁶⁶

Акция неповиновения не достигла своей цели: русскоязычное население Латвии не поддержало призыв, однако, он широко обсуждался в латышских и русскоязычных средствах массовой информации. Латышами кампания была воспринята, как призыв к ограничению прав латышского языка. Несмотря на поражение, она не только не улучшила взаимоотношения между этническими общностями, но и негативно отразилась на межэтнических отношениях в этот период. Комитет по правам человека игнорировал чрезвычайно чувствительное отношение латышей к одному из основных этнических параметров – языку.

В настоящее время в Латвии, кроме уже упомянутых, действуют, по меньшей мере, еще десяток активных в этой области НПО. Среди них – латвийское отделение широко известной международной НПО *Спасем детей!* которая периодически представляет доклады в UNICEF о состоянии в Латвии прав детей разного этнического происхождения. Признание работы этой НПО было обеспечено высоким уровнем этих докладов, основанных на профессиональной, независимой экспертизе. Лидеры НПО *Спасем детей!* были приглашены на работу в соответствующие правительственные структуры.

Рассмотренные выше НПО межэтнической интеграции работают целенаправленно.

Несмотря на то, что их численность еще невелика, они существенно влияют на государственные решения, законотворческий и политический процесс в Латвии.

Необходимо отметить, что работа третьего сектора в области межэтнической интеграции в странах Балтии, в том числе и в Латвии, особенно плодотворно стимулировалась международными фондами – грантодателями и, прежде всего – Фондом Сороса – Латвия. Уже осенью 2000 г. Фонд Сороса – Латвия объявил конкурс проектов НПО, направленных на межэтническое согласие. Цель программы – способствовать улучшению межэтнических отношений и интеграции в Латвии, продвигать кооперацию и диалог между различными этническими группами в области средств массовой информации, культуры, искусства, образования и укрепления гражданского общества. Особенно приветствовались проекты, в которых участвовали НПО или отдельные лица различного этнического происхождения.⁶⁷

Появление *НПО межэтнической интеграции* стимулировалось государственной стратегией интеграции в Латвии, как и в Эстонии. Этот тип НПО как структура гражданского общества заслуживает особого внимания и государственной поддержки, т.к. в них заложен существенный потенциал миротворчества и урегулирования межэтнических противоречий там, где это актуально.

Национально-культурные ассоциации и общества этнических меньшинств

Национально-культурные ассоциации и общества этнических меньшинств Латвии, как Эстонии и Литвы, формируют особый тип НПО – структур гражданского общества.

Национально-культурные и религиозные ассоциации и общества созданы и достаточно развиты у большинства этнических групп Латвии. Их цель – поддержка культурных потребностей и интересов этнических меньшинств в каждой из стран и обеспечение коммуникации между членами групп этнических меньшинств. Эти НПО организуют фестивали культуры, фольклорные концерты, выставки, различные общественные мероприятия в честь известных деятелей истории и культуры своего народа и т.п.

В Латвии более 150 национально-культурных обществ объединены в Ассоциацию национально-культурных обществ, которая в

2000 г. праздновала свое 10-летие. В 2002 г. в Латвии было зарегистрировано более 260 НПО, основанных по этническому принципу. В их числе – общественные организации древнего финно-угорского населения Латвии – ливов, движение культурного возрождения которых активизировалось с конца 1980-гг. Так, в 1988 г. возобновила свою деятельность общественная организация *Livod It* (Ливский союз), особенно вдоль Балтийского моря и Рижского залива (Колка, Мазирбе, Вентспилс, Рига), т.е. на территории исторического расселения ливов. С 1989 г. Ливский союз ежегодно организует в г. Мазирбе ливский праздник (в первую субботу августа), который уже приобрел международную известность. Ливский союз опубликовал ливско-латышско-английский разговорник и Малый ливский учебник. Параллельно в г. Риге создан Ливский культурный центр, который также опубликовал несколько журналов на ливском языке, избранные стихи ливских поэтов, постоянно организует художественные и фото выставки. Ливский культурный центр активно сотрудничает в сфере культуры с Эстонией и другими северными странами.

Однако нередко даже такие численно небольшие этнические меньшинства как ливы, армяне и татары, а также цыгане, расколоты на несколько, часто конкурирующих между собой, НПО. Например, в 1988 г. в Латвии было создано национально-культурное общество латвийских цыган, а в 1999 г. – общество вентспилских цыган «Гласс». Оба общества провозглашали своей целью борьбу за улучшение жизни цыган, однако, «воюют» эти общества между собой за финансирование проектов⁶⁸. Такая же тенденция наблюдается у русских, белорусов и украинцев. Из всех этнических меньшинств наиболее консолидированными являются поляки, евреи, эстонцы и немцы Латвии⁶⁹.

Представители этнических меньшинств Латвии, также как Эстонии и Литвы, имеют самые разнообразные интересы и предпочтения и, поэтому, во всех трех Балтийских странах существуют несколько национально-культурных обществ одной и той же этнической группы: так, например, в Латвии в 2000 г. было около 30 русских или русскоязычных НПО; в 1999 г. в Литве было 56 русских НПО⁷⁰ и более чем 50 русских НПО в Эстонии. Хотя национально-культурные общества открыты для всех, независимо от

этнического происхождения, все же они чаще всего мононациональны.

Деятельность национально-культурных ассоциаций в то же время часто демонстрирует пример межэтнической интеграции. Так, с 1995 г. неправительственными организациями этнических меньшинств Латвии в г. Риге организуется фестиваль *Золотой клубок* для детей и молодежи этнических меньшинств. В 1999 г. этот фестиваль проводился в шестой раз. Это мероприятие может считаться моделью межэтнической интеграции детей и молодежи, и, казалось бы, государство должно быть заинтересовано в такой демонстрации межэтнического согласия. Тем не менее, фестиваль проводится почти исключительно благодаря энтузиазму организаторов и грантам фонда Сороса – Латвия, в то время как поддержка государства была минимальной.

Недостаточная финансовая поддержка со стороны государства – одно из наиболее серьезных препятствий для развития национально-культурных обществ Латвии, как и двух других Балтийских государств.

Традиционные для титульного населения НПО

После восстановления независимости в Латвии, как и в Эстонии и в Литве начали восстанавливаться также традиционные для титульных этнических групп НПО. В этот тип мы объединяем те общества, которые существовали в странах Балтии до 1940 г., и деятельность которых имеет с этими обществами непосредственную преемственность. Основная сфера их функционирования – социальная защита, кооперация, религия и благотворительность, досуг и др. Хотя и традиционные НПО также открыты для всех, независимо от этнического происхождения, они состоят главным образом из представителей титульного народа – латышей, и соответственно – эстонцев в Эстонии и литовцев в Литве.

Возрождение традиционных для титульных народов НПО в Латвии, как и в Эстонии и в Литве, может быть одной из причин преобладания представителей этих народов среди членов НПО в целом, о чем говорилось выше.

НПО широкого профиля

К типу НПО широкого профиля мы относим те организации, которые функциониру-

ют на основе общности интересов в различных областях, и не связаны прямо с этническими или языковыми проблемами. Участники этих НПО в совместной деятельности, как правило, не придают значения этничности и языку общения. Они легко переходят с одного языка на другой в зависимости от того, какой из языков более удобен для взаимопонимания. Нам представляется, что государством еще не вполне оценен потенциал этих организаций: именно эти НПО представляют собой благоприятную среду формирования и утверждения демократической политической культуры и терпимости на низовом уровне, без чего развитие демократии немислимо.

Один из опрошенных экспертов прокомментировал ситуацию следующим образом:

Трудно определить, кто латыши и кто не латыши, потому что в НПО вступают люди независимо от их этнического происхождения и руководствуются они общим интересом. Даже вопрос языка не столь важен. Я наблюдала, как люди переходят с латышского языка на русский и наоборот, если кто-нибудь не понимает. Главный вопрос в работе НПО – это реализация конкретной цели, остальные вопросы не представляют интереса... Например, Ассоциация пенсионеров, НПО защиты прав детей, экологические НПО и многие другие состоят из людей всех национальностей Латвии.

Участие в НПО не столько зависит от этнического происхождения, сколько от условий жизни и информированности о НПО. В той части общества, которая хорошо информирована о работе НПО и среди людей, которые имеют достаточно времени участвовать в их работе, вместо того, чтобы думать о том, как прокормить семью, мы видим, что латыши и русские работают вместе без каких-либо языковых проблем. Существуют много этнически смешанных студенческих организаций на каждом факультете, и они свободны от этнических предрассудков, также профсоюзы, «зеленые», ассоциации молодых юристов, экономистов и т.п.

Современные общественные организации в Латвии, как и в Эстонии и в Литве, чаще всего представляют собой ту часть гражданского общества, которая наиболее заинтересована в укреплении демократической культуры и интеграции общества и активно действует в этом направлении. Хотя и НПО всех рассмотренных выше типов открыты для

участия в них всех лиц, независимо от этнического происхождения, как уже указывалось, есть косвенные свидетельства того, что представители коренных народов принимают более активное участие в их работе. Однако в последние годы существенно активизировалась и общественная деятельность представителей некоренных народов, главным образом – русскоязычного населения Балтийских стран. Уровень самоорганизации этих этнических и лингвистических групп, как уже указывалось, отличается. Вероятно, этнические группы Латвии будут сближаться в этом аспекте по мере социальной и национальной консолидации и интеграции общества и формирования у конкретных групп своих интересов и мотивов, которые могут лечь в основу самоорганизации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как свидетельствует проведенный анализ, развитие гражданского общества в Латвийской Республике в 1990-х – начале 2000-х гг. имело тенденции, характерные для других стран Балтии – Эстонии и Литвы. В современной Латвийской Республике существуют весьма глубокие исторические традиции самоорганизации, особенно среди латышей. Эти традиции идут от первых просветительских, культурных, благотворительных и других обществ, возникших на волне национального возрождения второй половины XIX в. и получивших свое дальнейшее развитие в годы первой Латвийской Республики (1918–1940 гг.). В период советской власти также существовало множество общественных организаций, объединяющих группы людей по интересам. Хотя и характер самоорганизации в то время имел свои особенности и во многом определялся сверху, тем не менее, и тогда эти традиции поддерживались.

Именно развитые традиции самоорганизации у латышей, как у эстонцев и литовцев, способствовали быстрой национальной мобилизации во время национального возрождения в конце 1980-х – начале 1990-х гг. После восстановления государственной независимости в Латвии, как и в других странах Балтии и Восточной Европы в целом, наблюдался определенный кризис самоорганизации, связанный с рядом конкретных политических и социальных причин. Главная из

них состояла в том, что цель гражданской активизации – восстановление государственной независимости – была достигнута, и жизнь в республике вошла в повседневный ритм.

Во второй половине 1990-х гг. началась активизация гражданских инициатив в Латвии: число неправительственных организаций и их влияние в обществе неуклонно растет, сферы их деятельности становятся все более разнообразными и в них вовлекаются все новые этнические и социальные слои населения Латвии. Этот процесс приобрел новые стимулы особенно после принятия государственной программы *Интеграция общества в Латвийской Республике*, в которой важная роль отведена деятельности НПО. В этот период особенно активизировался и возник целый ряд НПО, различного типа –

НПО межэтнической интеграции, национально-культурные общества и ассоциации этнических меньшинств, исторически традиционные НПО, и НПО, не имеющие особой этнической ориентации. Новым типом являются *НПО межэтнической интеграции*. НПО этого типа занимают активную позицию по отношению к соблюдению прав человека в Латвии и по-своему влияют на этнополитический процесс в республике. Несмотря на то, что между НПО этого типа часто нет единого мнения о целях интеграции общества в Латвии, и они представляют различные этносоциальные слои латвийского общества, их возникновение и функционирование является признаком формирования гражданского общества в Латвийской Республике.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Подробнее об этом см.: Устинова М. Гражданское общество в странах Балтии: История и современность // Страны Балтии и Россия: Общества и государства / Ред. Д.Е. Фурман, Э.Г. Задорожнюк. – М., 2002. – С. 314–338.

² Huntington S.P. The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. – Norman University of Oklahoma Press, 1991. – P. 16.

³ Howard M.M. The Weakness of Postcommunist Civil Society // Journal of Democracy. – 2002. – V. 13. – N 1. – January. P. 157–170.

⁴ Разработка национальной программы «Интеграция общества в Латвийской Республике» проходила несколько этапов. Декретом премьер-министра от 31.03.1998 была создана рабочая группа для разработки программы. 21 апреля 1998 г. Кабинет министров принял правительственный план действий для продвижения разработки программы. 4 января 1999 г. Декретом премьер-министра был создан Совет интеграции общества, состоящий из четырех министров. 18 февраля 1999 г. декретом премьер-министра была учреждена рабочая группа для разработки национальной программы «Интеграция общества в Латвийской Республике». Рабочая группа состояла из девяти различных институтов. 10 марта 1999 г. было объявлено широкое общественное обсуждение концепции национальной программы, которое завершилось принятием разработанной концепции за основу для дальнейшей разработки программы. В обсуждении приняли участие около 25 000 чел., публичной дискуссии были посвящены 80 специальных мероприятий, 306 статей, посвященных интеграции, были опубликованы в центральной и региональной прессе (www.nr.gov.lv/en/fjas/integracija.htm). В октябре 1999 г. началась разработка программы. Концепция национальной программы

«Интеграция общества в Латвии» была принята на заседании Кабинета министров 7 декабря 1999 г. Тогда же было принято решение создать Совет интеграции общества в Латвии, состоящий из трех министров. На Совет была возложена координация разработки национальной программы и представление ее Кабинету министров. 18 июля 2000 г. Кабинет министров одобрил краткую версию национальной программы и одновременно началась координация ее внедрения, в том числе разработка закона о Фонде интеграции общества Латвии. В ноябре 2000 г. в составе Министерства юстиции был создан Департамент интеграции. 6 февраля 2001 г. Кабинет министров одобрил национальную программу «Интеграция общества в Латвии» и началась ее реализация.

⁵ Valsts programma «Sabiedrības integrācija Latvijā». – Rīga, 2001. – P. 11.

⁶ Межкультурное образование: Подход Совета Европы / Институт национальных проблем образования Министерства образования РФ. – М., 1995.

⁷ Padomju Latvijas enciklopēdija. – Rīga, 1985. – 6. sēj. – 10. lpp.

⁸ Формы самоорганизации крестьян особенно широко распространились в годы первых республик. Так, например, в Эстонии в 1930-е гг. насчитывалось около 3,5 тыс. кооперативов. См.: Народы мира. – Т.2. – С. 283. Кооперативное движение весьма интенсивно развивалось и в России. Так, если в 1901 г. в России в целом было 1,6 тыс. кооперативов, то в 1919 г. – уже 53 тыс. См.: Padomju Latvijas enciklopēdija... – Т. 5.1. – С. 327.

⁹ Padomju Latvijas enciklopēdija. – 2. sēj. – 705. lpp.

¹⁰ <http://www.dziesmusvetki-rigai800.lv>

¹¹ Особенно ярко это проявлялось в решающие моменты истории. Так, например, в дни авгу-

- стовского путча 1991 г., когда сторонниками коммунистического режима танки направлялись в центр города Риги и войсками уже был занят Латвийский телецентр, любительские радиостанции продолжали передавать латышские народные песни, которые отражали настроение людей и объединяли их против происходящих в тот момент политических событий. Огромную роль в самоорганизации и мобилизации, например, латышей, сыграла также рок-опера Иманта Калниньша «Лачплесис», написанная в 1980-е гг. по мотивам одноименного латышского народного эпоса. Оперу посетило без преувеличения подавляющее большинство латышей, в том числе из самых отдаленных сельских районов Латвии. Все они испытали тот огромный эмоциональный подъем, который передается символическими средствами музыкального представления эпоса, знакомого каждому латышу с детства. Каждое представление рок-оперы завершалось совместным пением артистов и зрителей (около 14 тыс. чел.) одной из наиболее популярных латышских народных песен «Вей, ветерок», что приводило к эмоциональному сплочению людей и самоорганизации.
- ¹² Švābe A. Latvijas vēsture 1800. – 1914. – Upsala, 1958. – L. 429.
- ¹³ Швед Л. От крестьянских этносов к современным нациям // Страны Балтии и Россия: Общество и государства / Ред. Д.Е. Фурман, Э.Г. Задорожнюк. – М., 2002. – С. 44.
- ¹⁴ Volkovs A. Slāvi Latvijā. – Rīga, 1998.
- ¹⁵ Padomju Latvijas enciklopēdija... – 5.2. sēj. – 239. lpp.
- ¹⁶ Jēcerbinskis V. Ienācēji no tālienes: Austrumu un Dienvidu tautu pārstāvju vēsture Latvijā no 19. gadsimta beigām līdz mūsdienām. – 12. lpp.
- ¹⁷ По данным Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., в латышских и эстонских губерниях грамотность населения была существенно выше, чем во внутренних губерниях России. Так, в Лифляндской губернии грамотность населения достигла 77 %, в Курляндской – 71, а в Риге – 83 %. В Эстляндской губернии умевшие читать и писать составляли 77,7 %. Во внутренних губерниях России грамотность населения составляла 29 %.
- ¹⁸ Здесь мы имеем в виду те мероприятия, которые нашли поддержку среди жителей всех трех республик и таким образом служили демонстрацией этого единения. Например, Общебалтийская цепь длиной в 600 км, состоявшая из почти 2 млн. державшихся за руки людей и протянувшаяся от Вильнюса до Таллина. Впервые, как уже упоминалось, она появилась 23 августа 1989 г., а затем повторилась в 1999 г.
- ¹⁹ Одной из характерных черт латышской культуры, как традиционной, так и современной, является особое, бережное отношение к природе, к чему дети приучаются с малых лет: родители, знакомя детей с окружающим растительным и животным миром, непременно оговаривают, когда и почему нельзя рвать полевые цветы, ломать ветки или рубить дерево.
- ²⁰ Kārklīšs R. Ethnopolitics and Transition to Democracy: The Collapse of the USSR and Latvia. – Baltimore and London, 1994. – P. 69.
- ²¹ Элемент латышского народного орнамента *аусеклитис*, стал одним из образительных символов латышского движения национально-го возрождения. Он использовался при изготовлении нагрудных значков, по которым безошибочно можно было определить этнополитическую ориентацию человека а также, чаще всего, этническую принадлежность; *аусеклитис* изображался в виде лого на документах, в наглядной агитации, как элемент орнамента вязаной одежды и т.п. Для подавляющего большинства жителей Латвии *аусеклитис* имел значение мобилизующего символа.
- ²² RFE-RL. Radio Free Europe Research. Baltic Area Situation Report. – 1987. – No 7. – Oct. 28.
- ²³ Среди различных интерпретаций возникновения Народных фронтов в республиках Балтии, например, существует мнение, что их формирование было вызвано удачным сочетанием трех групп интересов: Москва была заинтересована продвигать лимитированные реформы; правительства республик были заинтересованы предотвратить радикализацию населения; и возникающая альтернативная элита нуждалась в средствах, с помощью которых можно было бы начать диалог с представителями власти (*Kārklīšs R. Ethnopolitics and Transition to Democracy: The Collapse of the USSR and Latvia. – Baltimore and London, 1994. – P. 69.*)
- ²⁴ Radio Liberty (далее RL). – 1989. – 476/89. – Октябрь 5. – P. 25. Open Society Archives (далее OSA).
- ²⁵ Там же. – С. 25.
- ²⁶ RL – 1991. – 405/91. – November 13. – P. 25. OSA.
- ²⁷ Например, первый председатель НФЛ Дайнис Иванс был в 1991 г. избран первым заместителем председателя Верховного Совета Латвии; Заместитель председателя НФЛ Иварс Годманис стал председателем Совета Министров; поэт Янис Петерс, который играл фундаментальную роль в период создания НФЛ, был назначен послом Латвийской Республики в РФ.
- ²⁸ Идея создания Комитетов граждан возникла в Эстонии и была нацелена на формирование параллельных советским структурам независимых политических структур власти, которые законно базировались бы на гражданстве Балтийских республик 1920-х гг. Вокруг этой идеи объединились многие структуры гражданского общества. В настоящей статье не рассматриваются политические программы отдельных структур гражданского общества.
- ²⁹ Brīvā Latvijā. – Münster, West Germany), 1990. – May 7; – June 25. В Эстонии в марте-ноябре 1989 г. было зарегистрировано 330 000 граждан и кандидатов в граждане Эстонской Республики. К февралю 1990 г. это число выросло до 600 000 чел. и достигло 70 % взрослого населения Эстонии.
- ³⁰ Volkovs V. Krievu un krievvalodīgo sabiedriskās organizācijas un Latvijas sabiedrības integrācijas jautājumi 2001. gadā (analīzes skatījums) // <http://www.politika.lv> – 09.07.2002
- ³¹ Стрельцова Я. // pubs.carnegie.ru/books/2001.
- ³² Viņņikova I. Sabiedrības integrācija: Kultūru līdztiesības aspekts // <http://www.politika.lv> – 04.03.2003.
- ³³ Smolar A. Civil Society after Communism: From Opposition to Atomization // Journal of Democracy. – 1996. – V. 7. – N 1. – P. 24–38. Tempest. – 1997.
- ³⁴ Democratization in Central and Eastern Europe / Kaldor M. and Vejvoda I. (eds.). – London; New York, 1999. – P. 17.
- ³⁵ Сеть НПО в России также развивалась довольно интенсивно: в 1997 г. Министерством юстиции было зарегистрировано почти 100 000 НПО, из

- них 15 000 – в Москве и 4 000 – в С.-Петербурге. Однако только 25–30 % из них являлись активными. НПО в основном функционируют в области экологии, культуры, благотворительности, женского и молодежного движения. Многие НПО представляют профсоюзы и политические движения, а также кооперативы. См.: <http://freedomhouse.org>. Transitions, Russia, 1997. В 2001 г. в России было зарегистрировано 300 000 НПО, а число вовлеченных в их деятельность исчислялось 2,5 млн. чел. См. также: <http://freedomhouse.org>. Transitions, Russia, 2001.
- ³⁶ Conditions of Enhancement of Civic Participation. – Riga: Baltic Data House, 1998. – P. 58.
- ³⁷ Diena: Спец. выпуск. – Июль, 2000.
- ³⁸ Из речи Премьер-министра Латвии Андриса Берзиньша на Форуме НПО 26 октября 2001 г.
- ³⁹ <http://www.freedomhouse.org>, Transitions, Latvia, 2000.
- ⁴⁰ NVO sektors Latvijā. 2000/2001. – Rīga, 2002. 21. lpp.
- ⁴¹ <http://www.freedomhouse.org>, Transitions, Latvia, 2000.
- ⁴² <http://www.freedomhouse.org>, Transitions, Latvia, 1998.
- ⁴³ <http://www.freedomhouse.org>, Transitions, Estonia, 1998.
- ⁴⁴ Naaber. – Naav, 2000.
- ⁴⁵ <http://www.freedomhouse.org> (Transitions, Country Reports, Estonia, 2000).
- ⁴⁶ <http://www.freedomhouse.org>, Transitions, Estonia, 1998.
- ⁴⁷ <http://www.freedomhouse.org>, Transitions, Estonia, 2000.
- ⁴⁸ <http://www.freedomhouse.org>, Transitions, Lithuania, 2000.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ NVO un sociālā stabilitāte: Praktisks pētījums. Baltijas Datu Nams. – Rīga, 1999. – Decembris. – P. 1.
- ⁵¹ NGO in Lithuania: National Public Opinion Survey Report. – Vilnius, 1998. – June. – P. 1.
- ⁵² Ginnius K. Democracy in Lithuania // Democratization in Central and Eastern Europe / Kaldor M. and Vejvoda I. (eds.). – London; New York, 1999. – P. 62.
- ⁵³ Источник: World Values Survey 1995-1997 / Institute of Philosophy and Sociology / Latvian Academy of Sciences. – Riga, 1996.
- ⁵⁴ NVO sektors Latvijā. 2000/2001. – Rīga, 2002. – 26. lpp.
- ⁵⁵ Non Governmental Organizations Center: Annual Report. – Riga, 1999. – P. 8.
- ⁵⁶ Non Governmental Organizations Center... – P. 18.
- ⁵⁷ NVO sektors Latvija. 2000/2001. – Rīga, 2002. – 22. lpp.
- ⁵⁸ Там же. С. 27–28.
- ⁵⁹ Salamon L.M., Anheier H.K., List R., Toepler S., Sokolowski S.W. and Associates. Global Civil Society / Dimensions of Nonprofit Sector / The Johns Hopkins Center for Civil Society Studies. – Baltimore, MD, 1999.
- ⁶⁰ Vinņika I. Ibid. – P. 1.
- ⁶¹ NGOs in Lithuania... – P. 23.
- ⁶² Примечательно, что Фонд Талсинского края был создан в исторически важном помещении – Народном доме, который был построен Талсинским обществом содружества (Talsu Sadraudzīga biedrība), основанном в 1887 г. Это общество в свое время было широко известно и о нем писали: «Будет трудно найти в ближайшем окружении Талсинского края более менее известного человека, имя которого не было бы в списках членов общества» (Nevalstiskās organizācijas Talsu rajonā 2003, 1 daļa, Talsi: Ziemeļkurzemes NVO atbalsta centrs). Помимо этого общества в конце XIX в. здесь действовали еще по меньшей мере два широко известных общества, которые жертвовали денежные средства для благотворительных целей – Арлавское крестьянское общество взаимопомощи (основано в 1870 г.) и Общество помощи ученикам Талсинской государственной гимназии (основано в 1923 г.). Оба общества были закрыты в 1940 г.
- ⁶³ NGOs in Lithuania... – P. 1.
- ⁶⁴ 50 Lithuanian Non-Governmental Organizations. – Vilnius, 1998. – P. 9.
- ⁶⁵ Полевые материалы автора, 2000 г.
- ⁶⁶ <http://racoon.riga.lv/minelres/archive>.
- ⁶⁷ Фонд интеграции Эстонии был основан уже в 1998 г. для поддержки действий и проектов, направленных на интеграцию общества Эстонии. Он поддерживает и внедряет крупномасштабные проекты, нацеленные именно на эти основные задачи. Эстонское правительство выделяет ежегодно существенные денежные средства для поддержки проектов гражданского общества. Так, в 1998 г. было выделено 6 млн., в 1999 г. – 5,7 млн. эстонских крон и столько же в 2000 г. для проектов НПО. Около 120 проектов, разработанных на низовом уровне неправительственными организациями, получили финансирование в объеме 8 млн. эстонских крон.
- Для примера приведем лишь несколько проектов, которые осуществляются НПО межэтнической интеграции. Среди них – один из наиболее привлекательных как для эстонцев, так и не эстонцев проектов, нацеленный на изучение эстонского языка неэстонскими детьми во время летних курсов в форме проживания в эстонских семьях в сельской местности, и организацию специальных лагерей для обучения эстонскому языку. Для более эффективной организации этой работы были обучены более 100 учителей и руководителей лагерей. В 1998 и 1999 гг. более 3000 детей участвовали в различных языковых лагерях и проектах семейного обмена. Инициатива эстонских НПО способствует установлению реальных личных контактов между людьми различного этнического происхождения и их культурной интеграции.
- Среди этих проектов эстонских НПО можно назвать также: *Хороший ребенок действует*, *Программа социального просвещения для цыган*, *Тренинг по государственному языку для полицейских кадетов*, *Песенный фестиваль Дети Маарьяамаа*, *Шаги, которые обязывают*, *Эстонские сказки для русских детей* и многие другие.
- ⁶⁸ Zankovska-Odina S. Čigānu politizācija // www.politika.lv. – 10.12.2002.
- ⁶⁹ Многочисленны НПО этнических меньшинств также в Литве и в Эстонии. В Литве число НПО национальных меньшинств в 2000 г. насчитывалось более 200. В 2000 г. в Эстонии было более 120 действующих национально-культурных обществ, которые в основном объединялись в четыре федерации и ассоциации Этнических культурных обществ (31 общество), Ассоциации национальных меньшинств Эстонии (20 обществ), Славянская образовательная и благотворительная ассоциация

в Эстонии (42 общества и 33 коллектива) и Круглый стол Этнических культурных обществ региона Восточной Виру (18 обществ). Круглый стол объединяет национально-

культурные общества, действующие в регионе Восточной Виру.

⁷⁰ *Lavrinets P.* Activities of Russian Organizations in Lithuania // *Russian Citizens of Lithuania*. – Vilnius, 1999. – P. 45.